**Кодификация как инструмент конструирования
системы законодательства в начальный период
Советского государства
(к 100-летию первых советских кодексов)**

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

117218, Россия, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: theory@izak.ru

Современные вызовы, такие как цифровизация, глобализация, регионализация, меняют модели правового регулирования, но основополагающая природа права как регулятора общественных отношений остается неизменной, динамике подвержены лишь формы ее проявления. Но и эти формы при всей наблюдающейся вариативности не бесконечны. В связи с этим представляет научный и практический интерес вопрос о конструировании общественных отношений с помощью такого инструмента, как кодификация, рассматриваемый в историко-правовом ключе.

Цель исследования — проанализировать кодификацию как способ систематизации законодательства и инструмент конструирования общественных отношений. Достижению этой цели способствует решение таких задач, как анализ норм первых советских кодексов: Кодекса законов РСФСР о записи актов гражданского состояния, брачном, семейном и опекуном праве и Кодекса законов РСФСР о труде, принятых в 1918 г., а также выявление особенностей трудового и брачно-семейного законодательства первых лет советской власти.

Исследование выполнено с применением методов постклассической юриспруденции: конструктивизма и антропоцентризма. Кодификация законодательства, осуществленная в 1918 г., рассматривается как способ конструирования общественных отношений в значимых для государства сферах. Показаны конкретные особенности такого конструирования. С позиций антропоцентризма раскрывается роль субъекта права в конструировании системы законодательства.

Сделан вывод о наличии существенного расхождения между нормами принимавшегося законодательства и правоприменительной практикой, которое объясняется спецификой правосознания субъектов правоприменительной деятельности. Такое расхождение осложняло процесс конструирования общественных отношений в сферах труда, семьи и брака, влияло на его результаты. Подчеркивается значение идеологических факторов в процессе конструирования общественных отношений.

Ключевые слова: законодательство, кодификация, кодекс, трудовое право, брачно-семейное право, конструктивизм, правоприменение, правовое регулирование, советский период.

**Codification of the Legislation as a Tool of Construction
of Social Relations in the Initial Period of the Soviet State
(to the 100th Anniversary of the First Soviet Codes)**

D. A. PASHENTSEV, leading research fellow of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor

34, Bolshaya Cheremushkinskaya st., Moscow, Russia, 117218

E-mail: theory@izak.ru

Modern challenges, such as digitalization, globalization, regionalization, change the model of legal regulation, but the fundamental nature of law as a regulator of social relations remains unchanged, only the forms of its manifestation are subject to dynamics. But these forms, for all the observed variability, are not infinite. In this regard, the question of constructing social relations with the help of such a tool as codification, considered in the historical and legal context, is of scientific and practical interest.

The purpose of the study is to analyze the codification as a way of systematization of legislation and a tool for the construction of social relations. The solution of such tasks as the analysis of the norms of the first Soviet codes: the Code of laws of the RSFSR on civil registration, marriage, family and guardianship and the Code of laws of the RSFSR on labor adopted in 1918, as well as the identification of the features of labor and marriage legislation of the first years of Soviet power help to achieve this goal.

The study was carried out using the methods of post-classical jurisprudence: constructivism and anthropocentrism. The codification of the legislation, carried out in 1918, is considered as a way of constructing social relations in important areas for the state. The specific features of such construction are shown. From the standpoint of anthropocentrism the role of the subject of law in the design of the system of legislation are being revealed.

It is concluded that there is a significant discrepancy between the norms of the adopted legislation and law enforcement practice, which is explained by the specifics of the legal consciousness of law enforcement entities. This discrepancy complicated the process of construction of social relations in the spheres of labor, family and marriage, influenced its results. The importance of ideological factors in the process of construction of social relations is emphasized.

Keywords: legislation, codification, code, labour law, marriage and family law, constructivism, law enforcement, legal regulation, Soviet period.

DOI: 10.12737/art_2018_11_1

В современных условиях, когда прошло уже более ста лет после революционных событий 1917 г., имеются все основания к тому, чтобы вернуться к научному осмыслению опыта законотворческой деятельности первых лет советской власти. Актуальность исследования этой проблематики определяется теми вопросами и задачами, которые стоят перед учеными-правоведами и практиками сегодня и порождаются новыми вызовами стремительно меняющейся реальности.

Современные вызовы, такие как цифровизация, глобализация, регионализация, меняют не только модели правового регулирования, но и подходы к доктринальному осмыслению сущности права и закономерностей его развития¹. В то же время есть основания полагать, что основополагающая природа права как регулятора общественных отношений остается неизменной, динамике подвержены лишь формы ее прояв-

ления. Но и эти формы при всей наблюдающейся вариативности не бесконечны. Сохраняет свою актуальность мысль выдающегося правоведа П. Г. Виноградова, полагавшего, что при всем разнообразии имеющих в мире правовых систем существует лишь ограниченный набор тех форм, которые используются для выражения норм права и доведения их до адресатов².

Советское право с самого начала стало формироваться путем кодификации. Первые два кодекса РСФСР, принятые в 1918 г., — Кодекс законов о записи актов гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве и Кодекс законов о труде — уже достаточно подробно исследованы и описаны отечественными учеными. Но современная наука располагает эвристическими ресурсами, которые позволяют анализировать историко-правовые вопросы с новых методологических позиций.

Постклассическая юриспруденция говорит о сконструированном

¹ См.: Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 87.

² См.: Виноградов П. Г. Очерки по теории права. 2-е изд. М., 2015. С. 73.

характере социальной реальности. Одним из эффективных инструментов такого конструирования выступает право. Законодатель создает новые нормы, выражая их в определенной знаковой форме, которая затем получает ментальный образ и в итоге трансформируется в массовое поведение людей³. Таким образом, праву придается динамичный, изменчивый характер. Право в постклассическом понимании — это не система норм, а повседневная деятельность людей по их реализации, в силу чего именно наделенный правоприменительными полномочиями субъект права может рассматриваться как центр правовой системы. Учет «человеческого фактора» определяет историческую и социокультурную обусловленность права, наполняемого конкретным значением через деятельность конкретных людей⁴.

Подобный подход вынуждает акцентировать внимание не столько на самой норме права, сколько на практике ее применения. Правоприменение, по словам В. В. Лазарева, способствует внедрению права в общественные отношения, оно «выполняет посредническую роль между правовыми нормами и их основными адресатами. Оно обеспечивает целенаправленное движение правовых отношений, создает дополнительные юридические гарантии для правильной реализации права в правовых жизненных ситуациях»⁵.

В то же время исходным элементом конструирования правовой реальности выступает та форма, в ко-

торую законодатель облекает правовые нормы. В рассматриваемом случае речь идет именно о кодификации, которая представляет собой такой вид систематизации законодательства, который типичен для романо-германской правовой семьи как одной из основных правовых семей.

Кодификация удобна для конструирования общественных отношений посредством права. Она обеспечивает преемственность права, его стабильность, упорядоченность, системность⁶; структурирует систему права и устанавливает четкие границы правового поведения субъектов общественных отношений, тем самым снижая уровень правовой неопределенности. Логично предположить, что именно эти свойства кодификации и повлияли на законодателя, который в 1918 г. выбрал данную форму для формирования нужной ему системы общественных отношений. Вместе с тем следует учитывать еще некоторые факторы, которые имели место в рассматриваемый период.

Во-первых, в дореволюционный период в России практически отсутствовал опыт полноценной кодификации. Законодательство Российской империи всегда тяготело к определенной систематизации, но ее преобладающими формами выступали консолидация и инкорпорация, в результате принимались такие источники права, как положения, уложения, регламенты, в итоге объединенные в Свод законов Российской империи, оставшийся до 1917 г. высшей формой систематизации российского законодательства. Наиболее близко к кодексам стояли уложения, например Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовное уложение 1903 г., но полноценными кодексами они так и не стали.

Во-вторых, в российской законодотворческой традиции ярко про-

³ См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 648.

⁴ См.: Честнов И. Л. Правовая система в постклассической парадигме // Правовая система общества: проблемы теории и практики. Труды междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2011. С. 43.

⁵ Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права // Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Закон. Законность. Применение закона. М., 2010. С. 262.

⁶ См.: Рахманина Т. Н. Кодификация законодательства. М., 2005. С. 13.

являлась тяга к заимствованиям иностранного законодательства, что подтверждается множеством примеров. Так, Вексельный устав 1729 г. — первый источник вексельного права в Российской империи — был полностью заимствован из германского законодательства. Ученые Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ справедливо отмечают, что «законодательная практика в России имела давнюю традицию опираться на немецкий опыт...»⁷. Эта особенность развития отечественного права проявилась и первые годы советской власти, причем заимствовались не только правовые нормы и институты, но и правовые формы, в том числе форма кодифицированного акта, получившая широкое распространение во многих государствах под влиянием кодексов Наполеона. Но «приживаемость» заимствований на отечественной почве осложнялась своеобразием российской цивилизационной принадлежности. Академик В. С. Степин указывает на наличие двух основных типов цивилизации: традиционалистского и техногенного. По его мнению, динамичное развитие техногенной цивилизации «разительно контрастирует с консервативностью традиционных обществ»⁸. Традиционный характер российского общества осложнял внедрение тех правовых форм и институтов, которые были выработаны в иных цивилизационных условиях.

В-третьих, создание советского законодательства происходило в условиях, когда значительная часть законодателей выступала против права, ожидая его скорого отмирания. Например, А. Г. Гойхбарг, заведующий отделом кодификации и

законодательных предположений Народного комиссариата юстиции, один из главных разработчиков первого брачно-семейного кодекса, а затем и Гражданского кодекса РСФСР 1922 г., сравнивал право с религией, характеризуя его как «еще больше отравляющий и дурманный опиум для того же народа», и призывал вести беспощадную борьбу с правом⁹. Такие воззрения не способствовали проявлению интереса к изучению и творческому развитию права, что в итоге осложняло правотворческую деятельность.

Анализируя первые советские кодексы, стоит учитывать, что анализ любых исторических нарративных источников является субъективным. Исследователь неминуемо оценивает эти источники с современных позиций, привносит в исследование частицу собственной личности, которая определяет выбор методологии исследования и неизбежно влияет на получаемые выводы. Это определяет необходимость сопоставления формально-юридических норм с практикой их применения.

По мнению О. Д. Максимовой, которая исследовала законотворческую деятельность в первый период существования Советского государства, принятие кодексов 1918 г. не было связано с решением текущих задач, вызванных гражданской войной; эти кодексы положили начало формированию советской правовой системы и были законами, изначально рассчитанными на длительную перспективу¹⁰.

Кодекс законов РСФСР о записи актов гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве стал первым советским кодексом. Сфера брака и семьи оказалась именно той областью общественных отношений, которую но-

⁷ Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н. А. Власенко. М., 2010. С. 71.

⁸ Степин В. С. Устойчивое развитие и перспективы цивилизации // Социальная политика и социология. 2005. № 1. С. 24.

⁹ См.: Гойхбарг А. Г. Основы частного имущественного права. М., 1924. С. 7.

¹⁰ См.: Максимова О. Д. Законотворчество в Советской России в 1917—1922 годах. М., 2011. С. 116.

вая власть стала конструировать в первую очередь. Фактически в брачно-семейном праве была произведена своего рода революция, которая полностью изменила характер брачно-семейных отношений, и инструментом этой революции выступило право.

Выстраивая новую модель правового регулирования семейно-брачных отношений, законодатель исходил из того, что институт семьи как основу общества и государства следует сохранить, несмотря на то что высказывалось и противоположное мнение. Например, А. А. Коллонтай, выступавшая одним из главных идеологов новой системы отношений между полами, полагала, что семья в новых условиях перестает быть необходимостью и для ее членов, и для государства¹¹.

В действительности семья возникла раньше, чем государство, и сущность семьи при любом государственном строе оставалась неизменной. Но правовые формы ее регулирования могли существенным образом меняться. В Российской империи вся сфера брачно-семейных отношений регулировалась церковью, в основе соответствующего законодательства лежали нормы церковного права. Именно эти нормы, восходившие к решениям Вселенских соборов, определяли минимальный и максимальный возраст вступления в брак, порядок его заключения, условия для расторжения брака, особенности внутрисемейных отношений. Проводя политику по отделению церкви от государства, новая власть не могла оставить семейную сферу в компетенции духовных властей, и уже в первый месяц своего существования специальным декретом отменила церковный брак. В этих условиях первый семейный кодекс был призван упорядочить регулирование семейных отношений в изменившихся условиях, создать

правовые основы для существования семьи в новом обществе.

Старые основания института семьи, к которым можно отнести сословный характер дореволюционного российского общества и церковную функцию записи актов гражданского состояния, были полностью ликвидированы. В основу нового правового конструкта семьи были положены следующие основные принципы:

юридическое значение имел только гражданский брак, заключенный в специальных государственных органах;

разрешался развод как по обоюдному согласию, так и по заявлению одной из сторон;

заключение брака не порождало общности имущества супругов;

максимальный брачный возраст отменялся¹²;

брак не налагал на супругов обязанности менять гражданство или место жительства, что было предусмотрено ранее;

усыновление и удочерение запрещались;

внебрачное родство приравнялось к родству брачному.

В итоге нормы Кодекса сконструировали новую модель семейных отношений, основанную на ином, чем прежде, понимании функций семьи. Семья в этот период, по мнению некоторых исследователей, рассматривалась с точки зрения решения одной задачи — служить «временной заменой всеобщего социального обеспечения»¹³. В пользу этой точки зрения говорит тот факт, что ст. 107 Кодекса устанавливала право нуж-

¹² Законодательство Российской империи предусматривало, что лица, достигшие 60 лет, могли вступать в брак только в исключительных случаях. Лицам, достигшим 80 лет, вступать в брак категорически запрещалось.

¹³ Полянский П. Л. Формирование семейного права как отрасли в России: постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 2. С. 20.

¹¹ См.: Коллонтай А. А. Семья и коммунистическое государство. Киев, 1919. С. 8.

дающегося супруга получать содержание от второго супруга. В случае его уклонения это право могло быть реализовано принудительно.

Кодекс не налагал на лиц, вступивших в брак, личных обязанностей, не предусматривая для них и личных прав. Смягчались и последствия нарушения принципа единобрачия¹⁴.

Свобода развода и общие условия брака смещали акцент в системе взаимодействия кровного и социального родства. Социальное родство, возникавшее при заключении брака, фактически отходило на второй план в силу предусмотренной законом простой процедуры и не обусловленной никакими обстоятельствами его ликвидации.

Возникает вопрос: насколько адекватно сконструированный в Кодексе механизм был реализован в правоприменительной практике? П. Л. Полянский, который исследовал судебные дела первых лет советской власти, полагает, что суды нередко признавали фактические отношения семейными вне зависимости от факта их государственной регистрации. Кроме того, нередко суды формально подходили к применению норм семейного законодательства, не учитывая, например, особенности режима использования имущества в крестьянском дворе, что осложняло процедуру развода к крестьянских семьях¹⁵. Это подтверждает наличие курса на максимальное упрощение всех формальных аспектов, связанных с браком.

Второй советский кодекс, принятый в декабре 1918 г., был посвящен правовому регулированию трудовых отношений. Сфера труда также претерпела революционные измене-

ния с самых первых дней существования новой власти.

Новшества, введенные в трудовое законодательство, имели принципиальное значение:

самая низкая в мире продолжительность рабочего времени — 8 дневных или 7 ночных часов;

запрет ночного и опасного труда для несовершеннолетних;

запрет сверхурочных работ для женщин и несовершеннолетних;

обязательный отпуск с сохранением заработной платы;

обязательный оплачиваемый отпуск по беременности и родам.

Эти нормы, разительно контрастировавшие с трудовым законодательством дореволюционного периода, не имели большого практического значения, так как в период гражданской войны и политики «военного коммунизма» они нередко не соблюдались. Однако их законодательное закрепление, напротив, имело принципиальное значение, оно оказало огромное влияние на развитие трудового права во всем мире, так как правительства зарубежных государств были вынуждены учитывать этот опыт и подстраиваться под него, меняя собственное законодательство о труде.

Если в дореволюционный период нормы, относившиеся к сфере трудовых отношений, были достаточно разрознены и содержались в различных актах, то принятие рассматриваемого Кодекса способствовало их консолидации, что привело к формированию трудового законодательства как новой отрасли законодательства, обладавшей своим предметом регулирования и своим понятийным аппаратом. Если дореволюционный Устав о промышленном труде имел достаточно ограниченную сферу применения, то новый Кодекс распространялся на все трудовые отношения.

Важной особенностью первого Кодекса законов о труде стало сочетание широкого круга провозглашаемых прав работников с прину-

¹⁴ См.: Памятники российского права: в 35 т. Т. 27: Кодексы законов о браке, семье и опеке РСФСР: учеб.-науч. пособие. М., 2016. С. 45.

¹⁵ См.: Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе. М., 2016. С. 341.

дительным привлечением к труду. Статья 1 устанавливала обязательную трудовую повинность для всех граждан РСФСР в возрасте от 16 до 50 лет, за исключением инвалидов и беременных женщин с седьмого месяца. В этой норме Кодекс фактически развивал ст. 3 Конституции РСФСР 1918 г., также устанавливавшую трудовую повинность и провозглашавшую лозунг «Кто не работает, да не ест!». Принудительность труда стала важной чертой нового трудового законодательства, которая сохранялась практически все время существования советской власти, на определенных этапах включая уголовную ответственность за тунеядство. Обязанность трудиться сочеталась с правом на труд, что являлось необычной правовой конструкцией¹⁶. Такое парадоксальное сочетание осложняло применение норм трудового законодательства. Ряд норм, имевших гуманистический и прогрессивный характер, открыто не применялся, что официально объяснялось сложностью экономической и политической ситуации. Постепенно такое изъятие норм из практики применения стало привычным, и в трудовом праве выраженно проявилась тенденция к ужесточению правового регулирования трудовых отношений.

Закрепление обязанности трудиться также привело к появлению в Кодексе норм, которые осложняли процесс увольнения по собственному желанию. Такое увольнение рассматривалось законодателем скорее как исключение, чем правило, и в некоторых случаях могло повлечь применение санкций. Данная тенденция сохранилась и в последующих советских источниках трудового права.

Среди других особенностей первого Кодекса законов о труде исследователи называют следующие:

идеологизированность, в силу которой часть норм имела выражен-

ный декларативный характер и не могла в полном объеме применяться на практике;

отсутствие договорного регулирования трудовых отношений; отсутствие института трудового договора в сочетании с принудительным трудом превращало трудовое право из частного права в публичное;

нормы трудового законодательства дополнялись многочисленными подзаконными актами, которые не просто его конкретизировали, но и нередко существенно изменяли; такой приоритет подзаконных актов над законом нарушал иерархию формальных источников права, что негативно влияло на режим законности;

трудовое законодательство имело уравнительный характер¹⁷.

Правоприменительная практика показала, что государство далеко не всегда чувствовало себя обязанным соблюдать законодательство о труде. Широкое применение в условиях гражданской войны получили, например, трудовые мобилизации¹⁸. Запрещенный для женщин и подростков сверхурочный, ночной и вредный труд на практике применялся обычно по согласованию с профсоюзной организацией.

Таким образом, в 1918 г. были приняты два первых советских кодекса, анализ которых позволяет сделать следующие выводы.

1. Для конструирования новой модели общественных отношений советская власть выбрала форму кодифицированных актов, в чем проявилось сочетание присущего дореволюционной системе законодательства тяготения к его систематизации и устойчивой тенденции к за-

¹⁷ См.: Памятники российского права. Т. 27. С. 38.

¹⁸ См.: Зайцева О. Б. Становление трудового права в России и категория трудовой правосубъектности // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2008. № 9. С. 487.

¹⁶ См.: Памятники российского права. Т. 27. С. 37.

имствованию зарубежного юридического опыта.

2. Первая кодификация, охватывшая брачно-семейное и трудовое законодательство, фактически была произведена в сфере частного права, несмотря на то, что глава советского правительства В. И. Ленин заявлял, что большевики ничего частного в области права не признают.

3. Кодификации на этом этапе подверглись те сферы общественных отношений, в которых новая власть предприняла наиболее радикальные изменения, в существенной степени означавшие разрыв с прежней, дореволюционной моделью правового регулирования.

4. Сконструированная с помощью первых кодексов система отношений в трудовой и брачно-семейной сферах в главных своих чертах оставалась неизменной весь советский период, многие ее особенности сохраняются и в наши дни. В то же время действие рассматриваемых кодексов не было продолжительным: в 1922 г. был принят новый Кодекс законов о труде, а в 1926 г. — новый Кодекс законов о браке, семье и опеке.

5. Конструирование новой модели общественных отношений происходило в первую очередь не на юридических, а на идеологических основах, при этом нормы права выполняли роль инструмента, закреплявшего идеологическую концепцию.

6. Важным фактором, повлиявшим на особенности конструирования общественных отношений в брачно-семейной и трудовой сферах, стала отмена всех сословных ограничений и ликвидация сословного деления общества.

7. Конструирование общественных отношений предполагает не только принятие норм права, оформленных в виде кодифицированных актов, но и трансформацию этих норм в массовое поведение субъектов правоприменения. В силу особенностей правосознания этих субъектов, определявшихся спецификой исторических обстоятельств, правоприменительная практика выстраивалась в направлении, несколько отличавшемся от первоначально заложенного законодателем вектора. Итогом стало определенное расхождение между нормами как знаковой формой и нормами в действии, т. е. правоотношениями. Такое расхождение, в той или иной степени неизбежное в любой правовой системе, в первый период существования советской власти проявилось достаточно отчетливо и в последующем только нарастало, формируя разрыв между формальным законодательством и «живым» правом. Такой разрыв снижал реальную роль кодификации в конструировании общественных отношений, одновременно повышая значение неправовых, в первую очередь идеологических, факторов.

Библиографический список

- Виноградов П. Г. Очерки по теории права. 2-е изд. М., 2015.
- Гойхбарг А. Г. Основы частного имущественного права. М., 1924.
- Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н. А. Власенко. М., 2010.
- Зайцева О. Б. Становление трудового права в России и категория трудовой правосубъектности // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2008. № 9.
- Коллонтай А. А. Семья и коммунистическое государство. Киев, 1919.
- Лазарев В. В. Социально-психологические аспекты применения права // Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Закон. Законность. Применение закона. М., 2010.
- Максимова О. Д. Законотворчество в Советской России в 1917—1922 годах. М., 2011.
- Памятники российского права: в 35 т. Т. 27: Кодексы законов о браке, семье и опеке РСФСР: учеб.-науч. пособие. М., 2016.
- Полянский П. Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе. М., 2016.

Полянский П. Л. Формирование семейного права как отрасли в России: постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2010. № 2.

Рахманина Т. Н. Кодификация законодательства. М., 2005.

Степин В. С. Устойчивое развитие и перспективы цивилизации // Социальная политика и социология. 2005. № 1.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012.

Честнов И. Л. Правовая система в постклассической парадигме // Правовая система общества: проблемы теории и практики. Труды междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2011.